

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ПРИСУДИНА ВАСИЛИЮ АКСЕНОВУ

В мае литературная премия имени Андрея Белого за 1984 год была вручена ленинградскому прозаику Василию Ивановичу Аксенову, автору рассказа "Понедельник, 13 сентября", романа "Осень в Ворожейке" /см. "Ч" № 33, 47/ и других произведений. Участники церемонии сердечно поздравили нового лауреата. Василий Аксенов сказал:

Прежде всего, хочу выразить чувства признательности и благодарности присудившим мне литературную премию имени Андрея Белого, среди лауреатов которой мне лестно назвать таких авторов как Борис Дыженко, Аркадий Драгомощенко и Саша Соколов, а также тех, кто принял участие в ритuale награждения.

Теперь хочу высказать свое несогласие с мнением Бориса Ивановича Иванова, великодушно возложившего на меня благородную миссию плакальщика по умирающей русской деревне. Не согласен я потому, что:

Во-первых: не считаю себя вправе становиться в один ряд с такими крупными мастерами этого дела, как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов, Федор Абрамов и некоторые другие, так как мои проблемы более локальны и менее масштабны.

Во-вторых: считаю, что деревня не умирает, а меняется /о качестве перемен здесь не говорю/, меняется так же, как и город. Петербург начала века можно оплакивать на тех же основаниях. Уклад в корне изменился как в деревне, так и в городе, а печься о тех переменах, которые произошли — дело тех, кого это коснулось, мой голос на этих позициях будет только ложным.

Меня интересует не образ русского крестьянина, место которому в истории, и которого я, к сожалению, не достаточно хорошо знаю для того, чтобы о нем говорить и петь о его нуждах, как это делал успешно Глеб Успенский, мой интерес —

может, в ущерб моей гражданственности - не в социальности, а в самом человеке и в его одном, на мой взгляд, из самых важных вопросов - вопросе о смерти и отношении человека к ней. Тут просто: я пользуюсь тем материалом, который мне более знаком.

Я целое лето провел среди кержаков и вернулся от них под сильным впечатлением их разговорного языка и в особенности их синтаксиса, результатом этого впечатления и был роман о связях, как я это представляю, - "Осень в Ворожейке". И снять же: в романе я и не старался разобраться в судьбе русских старообрядцев, подобную судьбу разделили многие. Моя забота: язык. Попытка вырваться из тех литературных рамок, которые установил девяностый век. Традиция же настолько сильна и цепка, литературный процесс в силу некоторых обстоятельств, сложившихся в нашей стране, по-моему, настолько затормозился, что вырваться из этих рамок стоит громких усилий. Было начало: Клебников, Белый, Платонов и еще ряд прозаиков и поэтов, а затем - лагуна. Особенность традиции в Ленинграде, где до сих пор продолжают писать "инуки" Фета, Тютчева и Блока. Я не проотив того - в конце-концов, каждый пишет как хочет и может, - но мне всегда кажется, что для нового времени нужен новый язык, вернее, новая его форма. Еще Христос говорил, что не следует заводить нового вина в старых мехах.

В заключение хочу сказать о своих сожалениях по поводу отсутствия критики. Пока нет высокопрофессиональной критики, ее будет соответственной и литературе.

С небольшой речью выступил Б.Иванов.

- Мне приходит на память образ, который не имеет никакого отношения к героям сегодняшнего торжества, но связанный не менее для меня с творчеством этого чрезвычайно одаренного художника цепью ассоциаций... На Охте есть кладбище, на котором иногда встречают женщину, - сейчас она уже немолодая, - со страшной ношей: на кладбище она приносит своего изрукого и безногого супруга, из горловины рекзака торчит на его голове. На могиле висит калеку из мешка, при-

ставляет его к дереву, и, разговаривая с ним, приводит могилу в порядок. Потом они... уходят. Я бы мог объяснить, почему этот образ связан для меня с образами крестьян и деревни, созданными Аксеновым, - но я хочу сказать лишь о том, что он один из немногих писателей культурного движения, который содержит в себе несет в творчестве тяжелый груз современных проблем. -

Мне приходилось говорить на публичном обсуждении, что Аксенова нельзя причислять к так называемым "деревенщикам". Я объясняю это тем, что в новой литературе экзистенциальная ситуация рассматривается иначе, чем в традиционной советской. Если в традиционной советской литературе /это особенно видно в "деревенской литературе"/ мы видим следующее взаимоотношение: индивид - посредник /коллектив, райком, партком, райисполком, МТС и т.д. и т.п./ - общечеловеческие ценности, то есть, общечеловеческое, либо заслонено посредниками, либо преломляется ими, то в новой литературе, если и есть "посредники", то это просто "другие", они ничего не заслоняют, ибо слишком мелозначительны перед Вселенной. И тем не менее, я продолжаю ждать от Василия Аксенова произведений, вырывающихся за пределы "деревни" и за околицу "деревенского языка". Наша беспочвенность простится нам, - если мы будем способны к изображению человеческого универсума, который мы находим у Толстого, Фолкнера, Платонова...

9 9 9 9 9 9 9 9 9 9 9 9 9